

Александр Панкратов-Черный

теперь еще и поэт

Аргументы и факты. - 1997, - ноябрь (№ 48) - с. 10

ОН очень хорошо известен как артист кино. А вот другая грань таланта - поэтическая - пока что мало известна. Но теперь с книжной полки можно взять его книгу "Шаги к стихам", выпущенную издательством "Книга. Просвещение. Милосердие", и увидеть совершенно иного Панкратова-Черного...

- Александр, с чего началось у вас сочинительство?

- С детства. Еще тогда бабушка моя - очень романтическая натура - сказки мне рассказывала, приучала к литературе, читала стихи, и уже в то время очень много стихов я знал наизусть. А потом сам стал писать - первое стихотворение появилось, когда мне было лет девять. Потом мы переехали с Алтая в Кемеровскую область. Там жил прекрасный поэт, фронтовик, друг Александра Трифоновича Твардовского Михаил Александрович Небогатов, который занимался с нами, молодыми поэтами. Он и сказал мне: "Саня, продолжай писать, у тебя это получается".

А после - уже в Нижнем Новгороде - у нас был поэт Борис Ефремович Пильник, руководивший поэтической студией, откуда вышли многие ныне известные поэты. Я был самым молодым из них.

- Вас печатали?

- Печатался я мало, тем бо-

лее что меня в 1967 году шибанули за один стих, "не совпавший с 50-летием Октябрьской революции". Дали втык хороший, вызвали в одно место и по-

Фото Бориса Кремера

просили дать подписку о нераспространении своих стихов и, естественно, не печатать их.

Стих этот был опубликован, когда началась горбачевская перестройка: я почувствовал, что наконец-то лед тронулся. И воодушевился. Но, дурачок, послал его в журнал, кажется, "Волга", и там это восприняли как мой отклик на Октябрьскую революцию.

А вообще я стеснялся и никому не говорил о том, что пишу стихи, да и побаивался после этого случая. И мама моя очень волновалась и говорила: "Саня! Перестань писать стихи, а не то посадят!" Поэтому эту первую свою книгу я и посвятил маме, Агриппине Яковлевне Панкратовой-Токоревой, чтобы она знала, что меня не посадили и что писал я не зря, а также сыну Володе, чтобы сын знал, о чем иногда папа думает.

Кстати, сейчас уже готовится вторая моя книга - о России, название "Синяя Россия". Синяя, застывшая, холодная... Будет там цикл "Письма из зоны" - ведь все мое детство прошло в Сибири, рядом с "политическими", с уголовными элементами, да и у меня самого вся семья была репрессирована в сталинское время. Там будут и посвящения моим ушедшим товарищам - Игорю Талькову, Юрию Владимировичу Никулину. Судьба артиста все-

гда трагична, ведь она - самоотречение.

- А их уход из жизни, нередко в молодом возрасте - это рок или естественное явление?

- Любая кончина, любой уход - противоестественно, конечно же! Человек является на эту землю для жизни, а не для кончины. Но когда это касается русских талантливых людей - Пушкин, Лермонтов, Павел Ва-

сильев, Николай Гумилев, Василий Шукшин, актерские судьбы Жоры Букова, Владимира Высоцкого, Толи Солоницына, Вадика Спиридонова, Андрея Миронова, Юры Демича и других - то это же какое-то трагическое кольцо... Над судьбой художника как бы висит дамоклов меч - ранняя кончина, люди просто сгорают. Долго живут такие гении, как граф Толстой Лев Николаевич, например. Но у таких людей размеренный, мудрый режим жизни был, да и условия были иными... А поэты, актеры - это вспышка, горящие люди. Но часто гибель зависит не от самого человека, не от его образа жизни.

- Вы имеете в виду случай с Василием Шукшиным, о котором вы как-то при мне рассказывали?

- Жора Буков говорил мне, что он не верит в то, что Шукшин умер своей смертью. Василий Макарович и Жора в эту ночь стояли на палубе, разговаривали, и так получилось, что после этого разговора Шукшин прожил всего пятнадцать минут. Василий Макарович ушел к себе в каюту веселым, жизнерадостным, сказал Букову: "Ну тебя, Жорка, к черту! Пойду попишу". Потом Буков рассказывал, что в каюте чувствовался запах корицы - запах, который бывает, когда пускают особый "инфарктный" газ. Шукшин не кричал, а его рукописи - когда его не стало - были разбросаны по каюте. Причем уже было прохладно, и, вернувшись в каюту, ему надо было снять шинель, галифе, сапоги, гимнастерку... Василия Макаровича нашли в нижнем белье, в кальсонах солдатских, он лежал на

кровати, только ноги на полу. Я видел эти фотографии в музее киностудии имени Горького. Но почему рукописи разбросаны? Сквозняка не могло быть, окна были задраены. Жора говорил, что Шукшин был очень аккуратным человеком. Да и Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина рассказывала о том, что, когда они жили в однокомнатной квартире, было двое детей, теснота, поэтому все было распределено по своим местам - машинка печатная, рукописи и так далее. А когда дети спали, курить было нельзя, и Шукшин выходил в туалет, клал досточку на колени, на нее тетрадку и писал. Разбросанные по полу каюты рукописи - не в стиле Шукшина, не в его привычках: кто-то копался, что-то искали.

Таковыми были подозрения Букова. Но Жора побаивался при жизни об этом говорить, поделился об этом со мной как с другом и сказал: "Саня, если я умру, тогда можешь сказать об этом, но не раньше".

- А у вас есть чувство отпущенного вам времени?

- Ой, не знаю. У меня уже было два микроинфаркта, но судьба пока была милостива. Мне сейчас 47-й год. Я сначала ждал, когда мне будет 37, затем - 42, потом - 45. Где-то после тридцати лет начинаешь думать о гибели, о смерти. Вероятно, сама судьба намекает. Да и столько друзей я похоронил...

- Вы, как поэт, ощущаете некую свою миссию?

- Я не мессия и не пророк. Просто выражаю себя, у меня профессия такая. Спенической площадки и кино мне для этого мало. Поэтому и пишу.

Андрей КРАВЧЕНКО

11. 97

Панкратов-Черный Александр